Тематические сообщения

УДК 159.9
DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-72-95

Проблема человека в российской психологии и за ее пределами[1]

Марина С. Гусельцева
Психологический институт РАО,
Москва, Россия, mguseltseva@mail.ru

Аннотация. Проблема человека в психологии, ее постановка и решение обусловлены развитием социогуманитарного познания в целом. При этом становление социогуманитарных наук в России имело нелегкую историю. Специфика российских модернизаций и волн просвещения проявилась в заимствовании образцов и интеллектуальных традиций, в доминировании государства над обществом, в приоритете инструментальных сторон развития над гуманитарными, а также в противоречивости и незавершенности культурно-психологических процессов, связанных с трансформациями самого человека. Если результатом европейского ренессанса было появление нового типа личности, далее последовавшего путями реформации, модернизации и просвещения, то русский ренессанс имел слабовыраженную форму, а его смысл заключался не только в повороте к человеку, но и в возрождении в России европейских гуманитарных ценностей. Процессы гуманизации общества, антропологизации жизни и индивидуализации культуры, будучи инициированы ренессансным духом, имели в России характер постоянно возобновляемых, дисперсных и латентных движений. Показано, что антропологическая проблематика разрабатывалась не только в известных работах Н.Г. Чернышевского, П.Л. Лаврова, К.Д. Ушинского, в подходах В.М. Бехтерева, Б.Г. Ананьева и С.Л. Рубинштейна, но и в малоизвестных широкой публике трудах Г.Г. Шпета и ученых ГАХН, при рассмотрении вопросов искусства и архитектуры, в публицистике и литературном творчестве. С позиций ретроспективного и генеалогического анализа обнаружено, что антрополо-

© Гусельцева М.С., 2021

[1] Статья подготовлена на основе выступления на ежегодных Шпетовских чтениях в рамках Международной научной конференции «Человек в ситуации изменений: реальный и виртуальный контекст», РГГУ, 12-13 апреля 2021 г.

гический поворот осуществлялся на протяжении XX в., проявившись в разработках психологии личности, психологии субъекта, а также в экзистенциальных и философских направлениях постсоветской психологии. Выражением антропологического подхода в психологии стало не только движение к построению психологии человека, но и возникновение психологии повседневности, фокусирующейся на изменениях современности и этнографическом разнообразии человеческого бытия.

Ключевые слова: социогуманитарное знание, проблема человека, Ренессанс, Просвещение, гуманизация, антропологизация психологии, антропологический подход, интеллектуальные традиции

Для цитирования: Гусельцева М.С. Проблема человека в российской психологии и за ее пределами // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 2. С. 72–95. DOI:10.28995/2073-6398-2021-2-72-95

The problem of man in Russian psychology and beyond

Marina S. Guseltseva

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, mguseltseva@mail.ru

Abstract. The problem of a person in psychology, its formulation and solution are rooted in the development of human and social sciences in general. In Russia, the formation of these sciences had a difficult history. The specificity of Russian modernizations and waves of enlightenment manifested itself in the borrowing of models and intellectual traditions, in the domination of the state over society, in the priority of the instrumental aspects of development over the humanitarian, as well as in the inconsistency and incompleteness of cultural and psychological processes associated with the transformations of the person himself. If the result of the European Renaissance was the emergence of a new type of personality, which then followed the paths of reformation, modernization and enlightenment, then the Russian Renaissance had a weakly expressed form, and its meaning consisted not only in a turn towards man, but also in the revival of European humanitarian values in Russia. The processes of humanization of society, anthropologisation of life and individualization of culture, initiated by the Renaissance spirit, had in Russia the character of constantly renewed, dispersed and latent movements. It is shown that anthropological problems were developed not only in the well-known works of N.G. Chernyshevsky, P.L. Lavrov, K.D. Ushinsky, in the approaches of V.M. Bekhterev, B.G. Ananyev

and S.L. Rubinstein, but also in the unobvious activities of G.G. Shpet and GAKhN scientists, in the study of issues of art and architecture, in journalism and literary work. From the standpoint of retrospective and genealogical analysis, it was found that the anthropological turn was carried out throughout the twentieth century, manifested in the development of personality psychology, the psychology of the subject, as well as in the existential and philosophical approaches of post-soviet psychology. The expression of the anthropological approach in psychology was not only the movement towards the construction of human psychology, but also the emergence of the psychology of everyday life, focusing on the changes of the present and the ethnographic diversity of human existence.

Keywords: human and social sciences, the problem of man, Russian Renaissance, Enlightenment, humanism, anthropological turn, anthropologisation of post-soviet psychology, intellectual tradition

For citation: Guseltseva, M.S. (2021), "The problem of man in Russian psychology and beyond", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 72–95, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-72-95

Введение: постановка проблемы

Проблема человека в психологии, ее постановка и решение обусловлены развитием социогуманитарного знания в целом. Науки о человеке (human and social sciences, sciences de l'homme) формируются, согласно М. Фуко, в XVIII веке, когда человек как таковой становится объектом познания [Фуко 1994]. Примечательно, что сходные мысли в 1919 г. развивал Г.Г. Шпет в небольшой статье, посвященной антропологизму русского философа П.Л. Лаврова [Шпет 1922]. «XVIII век – вообще век завершений и новых начал... Это – век также, когда знание о человеке организуется в науки о человеке, век рождения гуманистических наук» [Шпет 1922, с. 76]. Г.Г. Шпет обращает внимание, что в XVIII веке происходила институциализация антропологии и психологии, появились первые психологические школы, проблема человека сделалась центральной для философии, где возникло множество трактатов на данную тему. «...Эмпирическая психология отделяется, как самостоятельная наука, ...психическая антропология очерчивает себе круг проблем, решение которых и до сих пор еще не исчерпано. <...> Проблему человека в XVIII в. решали не только философы, психологи, физиологи, антропологи, историки, моралисты, политики, поэты, но и сама жизнь» [Шпет 1922, с. 77]. В 1799 г. в Париже появилось первое антропологическое общество с оригинальным названием

Société des Observateurs de l'Homme [Орлова 2010]. Проблема человека рассматривалась в разных дискурсах и интеллектуальных традициях.

Так в эпоху Просвещения были сформированы ведущие антропологические традиции, которые не только развивали разные методологии и исследовательские подходы, но и предлагали свои образы человека в качестве идеалов социализации и развития личности. Британская традиция ориентировалась на эмпиризм, сравнительные исследования, эволюцию социальных институтов и права. Именно в ее контексте в дальнейшем сформировалось направление исследований, известное как социальная антропология. Немецкая традиция занималась философской разработкой проблемы человека, фокусировала внимание на духовной активности и историческом способе мышления о человеке и обществе. В ее контексте возникли этнология и философская антропология. Французская традиция отличалась рационализмом и социогенетизмом, подчеркивая общественную обусловленность психического развития и роль разума в обустройстве жизни. Ей также присуще панорамное видение и стремление к интеграции исследований, осуществленное в движении исторического синтеза школы Анналов. Историческая и структурная антропологии образовались в ее контексте (подробнее о разных исследовательских традициях: [Гусельцева 2014]). Отметим, что российская традиция в своем становлении питалась преимущественно немецкими и французскими источниками, для нее характерны универсализм, синкретичность, некоторая размытость антропологической проблематики.

Цель данной статьи – с позиций ретроспективного анализа обратить внимание на неявную антропологизацию психологического знания в России, происходившую в контексте общих социокультурных трансформаций.

Становление социогуманитарного знания в России

Судьба социогуманитарного знания в России складывалась довольно непросто. «Россия начала свою культуру с немецких переводов» – писал Г.Г. Шпет[2] в 1922 г. [Шпет 2005, с. 85]. Незавершенный

[2] «Неразработанность русского литературного языка, отсутствие научно подготовленных людей, отсутствие научной терминологии, невежество читателя, не понимавшего, зачем ему данная книга, и не знавшего, какая книга ему нужна, – все это стояло на пути этому средству духовного просветления России. Русская художественная литература героически боролась с кирилло-мефодиевским наследием в языке, и, когда воссиял Пушкин, болгарский туман рассеялся навсегда. Хуже дело обстояло в науке. За отсутствием своего языка долго еще пришлось пользоваться языками чужими, а переводная литература тем медленнее переходила к настояще-

труд Г.Г. Шпета «Очерк развития русской философии» выходит далеко за пределы своего названия и сообщает сегодняшнему читателю о становлении науки в России, проблемах русского просвещения и поисках идентичности. Это блестящий анализ особенностей российского стиля мышления, истории и культуры. «XVII век в Западной Европе – век великих научных открытий, свободного движения философской мысли и широкого разлива всей культурной жизни. Последний не мог не докатиться и до Москвы – против ее собственной воли» [Шпет 2005, с. 82].

В становлении социогуманитарного знания в России исследователи выделяют следующие ключевые проблемы:

1) *Приоритет позитивного и утилитарного знания над гуманитарным* имел социально-психологические последствия, связанные с тем, что упор во всех российских модернизациях делался не на становление личности, не на развитие человека, а на индустриализацию и технологии. «Невежество – какая-то историческая константа в развитии русского творчества и в самоопределении его путей. <...> Складывающееся на почве невежества утилитаристическое отношение к знанию и ко всякому свободному творчеству само по себе не есть явление объективной реальности. Скорее, это – факт субъективный, социально-психологический» [Шпет 2005, с. 98].

2) *Доминирование государства над обществом* приводило к неразвитости в русской культуре индивидуальности человека и личной инициативы [Кавелин 1989]. Иным следствием этого была вынужденная литературоцентричность, где литература подменяла собой все – от общественно-политической сферы и философии до развития социогуманитарных наук. «...Для России Новое время так и осталось в литературе, в мысли; на Западе оно проникло в каждодневное существование – в психологию частных лиц, в общественные отношения, законы, государственную и общественную практику» [Мильдон 2013, с. 18].

3) Проблему, которую Г.Г. Шпет формулировал в категориях невежества и культурного отставания, сегодня более актуально сфокусировать на *незавершенности культурно-психологических процессов таких, как модернизация, ренессанс, реформация, просвещение,* поскольку это не только цивилизационные механизмы, переводящие общество из одного режима развития в другой, но и вехи рождения нового типа личности.

Незавершенный Ренессанс

му русскому языку, что значительную часть работников для нее поставляла духовная школа с ее понятной склонностью к пользованию языком церковного обихода» [Шпет 2005, с. 91].

Согласно литературоведу В.И. Мильдону, русский Ренессанс был начат А.С. Пушкиным и искусственно прерван в 1920-е гг. [Мильдон 2013]. В свое время Н.А. Бердяев также писал о том, что А.С. Пушкин – ренессансный человек – единственный представитель Возрождения в русской литературе[3] [Бердяев 1994]. На незавершенность культурно-психологических процессов в России обращал внимание Д.С. Лихачев, называя культурный подъем XIV–XVI вв. предвозрождением [Лихачев 2006]. Историк А.Ф. Замалеев в качестве специфики предренессанса XIV–XVI вв. указывает на «жесткое цезарефильство» вместо возрожденческого свободомыслия [Замалеев 2014]. В этой логике творческую деятельность В.К. Тредиаковского (1703–1768), А.П. Сумарокова (1717–1777), М.В. Ломоносова (1711–1765) и Г.Р. Державина (1743–1816) следовало бы охарактеризовать как русское предпросвещение.

В русской истории цивилизационные процессы Ренессанса, Реформации, Просвещения продолжаются и по сей день. Их возобновляемость и незавершенность, как будет показано ниже, накладывают свой отпечаток на проблему человека в науке, в культуре и в жизни. Это ярко проявилось и в судьбе Г.Г. Шпета, на что обратил внимание литературовед Г. Тиханов. Он отмечает ренессансную одаренность Г.Г. Шпета и вынужденную незавершенность практически всех его проектов. «Само его самоопределение как философа и ученого оказалось под вопросом. На первый взгляд жизнь предлагала ему бесконечное разнообразие возможностей, но среди них не было той, которая могла бы его удовлетворить сполна, – он занимался множеством самых разных вещей, однако метания эти были вынужденными. Драма Шпета – драма мыслителя и публичного интеллектуала,

[3] «Сущность Ренессанса в том, что в нем обнаружился свободный избыток творчества человека» [Бердяев 1994, с. 404]. Начавшееся в 1920-е гг. социалистическое строительство в России Н.А. Бердяев сравнивал с «процессом закрепощения – аналогичным тому, который начался в эпоху императора Диоклетиана, в эпоху раннего средневековья», считал «реакцией против освободительных процессов новой истории, ... которые освободили человеческую индивидуальность» [Там же]. «В России мы переживаем конец Ренессанса и кризис гуманизма острее, чем где бы то ни было на Западе, не пережив самого Ренессанса. В этом – своеобразие и оригинальность русской исторической судьбы. Нам не было дано пережить радость Ренессанса, у нас, русских, никогда не было настоящего пафоса гуманизма, мы не познали радости свободной игры творческих избыточных сил. Вся великая русская литература, величайшее наше создание, которым мы можем гордиться перед Западом, не ренессансная по духу своему. В русской литературе и русской культуре был лишь один момент, одна вспышка, когда блеснула возможность Ренессанса, – это явление пушкинского творчества, это культурная эпоха Александра I. Тогда и у нас что-то ренессансное приоткрылось. Но это был лишь короткий период, не определивший судьбы русского духа» [Бердяев 1994, с. 405].

уделявшего свое внимание такому количеству проектов, осуществить которое не представлялось возможным. Он так и не завершил обещанного продолжения первого тома «Очерка развития русской философии» (1922), не опубликовал уже заявленную четвертую часть «Эстетических фрагментов» или продолжение «Введения в этническую психологию»» [Тиханов 2008].

Тем не менее, время, в которое творит ранний Г.Г. Шпет, – это эпоха, имеющая выраженные ренессансные черты. Смысл же ренессанса как механизма развития культуры заключается в том, что он выступает предпосылкой нового понимания человека, его места в мире, а в дальнейшем – отношений личности как с обществом, так и с государством. Эти проблемы решает уже эпоха Просвещения. Не случайно И. Кант связывал Просвещение с совершеннолетием человечества, где признаком культурно-психологической зрелости отдельного человека является *мужество пользоваться собственным разумом* [Кант 1966]. Не случайно В. Гумбольдт в работе «О пределах государственной деятельности» формулирует новую парадигму взаимоотношений личности и государства: не человек есть средство решения государственных задач, а напротив, *задача государства – способствовать развитию человека* [Гумбольдт 2003]. Именно смене этой парадигмы служат эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, в контексте которых происходит становление автономии личности, субъектности человека, а также расцвет национальных языков, литератур и исследовательских традиций. Сам Г.Г. Шпет связывал Ренессанс с духовным рождением нации [Шпет 2005]. Однако, если смысл европейского Ренессанса – появление нового человека, который в дальнейшем пойдет путями реформации, модернизации и просвещения, то смысл русского Ренессанса – это, с одной стороны, поворот к человеку, а с другой, – возрождение в России европейских гуманитарных ценностей [Мильдон 2013][4].

В контексте этого ренессансного духа возникла и Государственная академия художественных наук (ГАХН) как школа европейской мысли[5] [Искусство как язык 2017], как явле-

[4] «Ренессанс появляется в качестве ответа на угрозу потери человеком того, что составляет его сущность, когда человеческое отступает, и потому нужен приток свежих сил – вот почему Ренессанс, согласно Ясперсу, есть феномен повторный» [Мильдон 2013, с. 21].

[5] Важно отметить, что в начале XX в. российские ученые были интегрированы в мировую науку, в том числе через свободное владение языками и стажировки для завершения образования за рубежом. Это показательно на примере научной деятельности Г.Г. Шпета, свободно владеющего тринадцатью иностранными языками (английским, немецким, французским, итальянским, испанским, польским, шведским, норвежским, датским, украинским, болгарским, латинским и греческим), переводившего с семнадцати [Шпет в Сибири 1995].

ние российской культуры[6] [Мильдон 1997], для которой, как уже отмечалось, характерны синтетизм, универсализм, но и некая размытость в постановке проблемы человека. Последний изучался здесь опосредовано, не был в фокусе внимания. Так, Г.Г. Шпет разрабатывал в ГАХН синтетическую (синехологическую) методологию, но вопросы личности и антропологии разбросаны отдельными замечаниями по разным его текстам (их реконструкцию осуществила, например, Т.Г. Щедрина [Щедрина 2011]). Проблема человека в Академии была растворена в изучении искусства, при этом довольно активно здесь обсуждались вопросы пространства. В этой связи В.И. Мильдон выделяет пространственную топологию как направление философского антропологизма, усматривая специфику русской постановки проблемы человека в его взаимосвязи с непредсказуемой стихией, безбрежностью и бесформенностью, обусловившими непроявленность индивидуальности, трудности вочеловечивания в России, отделения культуры от природы, вычленение личности из стихии сообщества. «Пространством (геологией) объяснима русская гуманитарная идея: ...[отсутствие] человека в качестве социального субъекта» [Мильдон 1997, с. 90]. А.Г. Габричевский, изучая вопросы пространства, отмечал, что за невозможностью овладеть внешней реальностью человек должен перестроить себя, ориентируясь на ценностные идеалы «в соответствии с объективными законами добра, истины, красоты» [Мильдон 1997]. В свою очередь, для Г.Г. Шпета произведение искусства выступало в качестве «живого целого», где объективировалась личность художника [Щедрина 2011]. Имплицитная философия человека содержалась в трудах представителей философского отделения ГАХН – А.В. Бакушинского, А.Г. Габричевского, Н.И. Жинкина, Б.А. Шапошникова и др. [Мильдон 1997].

Явная и неявная антропологизация российской психологии и культуры

В контексте данной статьи под антропологией в психологии понимается прежде всего разработка проблематики человеческого бытия. При таком подходе в ретроспективном анализе обнаруживается российская антропологическая традиция, ведущими чертами которой можно назвать латентность как непроявленность и нечеткость в постановке проблемы человека, синкретизм и литературоцентричность. С последней связана магическая

[6] В.И. Мильдон показывает, что «ГАХН вырастает из опыта русского интеллектуального кружка, созданного Симеоном Полоцким» [Мильдон 1997, с. 88] и психологического семинария Г.И. Челпанова в Киеве.

роль слова в русской культуре, где слова нередко подменяют собой дела, где слово становится или не становится социальным действием[7].

Итак, с позиции ретроспективного и генеалогического анализа выявляется, что антропологический поворот в России на протяжении XX в. протекал в латентной форме. Это обусловило тот факт, что накопление интеллектуальных и культурных слоев, которые служат порождающим контекстом для возникновения наук о человеке, для появления психологии человека, и, наконец, для рождения личности в качестве ренессансного продукта, происходило здесь незаметно, в рассеянных и дисперсных движениях. Антропологическая проблематика зачастую была растворена в чем-то ином – будь то изучение пространства, архитектуры или искусства портрета, публицистика или роман-эпопея. Таким образом, в России из-за подавляющего личную инициативу государства и в силу исторических традиций (path dependence) процессы гуманизации общества, антропологизации психологии и индивидуализации культуры протекают зачастую скрыто – как от самих авторов, так и от рефлексии наблюдателей. Однако эти тенденции, незаметные современникам, лучше видны спустя время, в ретроспективном и генеалогическом анализе.

Не претендуя на всеохватность, обратимся к скрытым антропологическим движениям в психологии. Антропологический подход представлен в российской психологии в разновидностях психологии личности, психологии субъекта, педагогической антропологии (ведущей начало от работ К.Д. Ушинского [Ушинский 2004]), в разработках философско-психологической антропологии. Проблема человека широко обсуждалась в трудах Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна [Ананьев 1969; Рубинштейн 2003], чему посвящено немало исследований [Логинова 2007; Логинова 2009]. Однако задача данной статьи – обратить внимание скорее на неявную антропологизацию психологического знания в России, которая происходила в основном во второй половине XX в. При этом, не имея возможности остановиться на всех работах, где ставилась и решалась проблема человека в постсоветской психологии [Абульханова, Березина 2002; Асмолов 2007; Брушлинский 1994; Гришина 2009; Гришина 2011;

[7] Ср.: «Россия – парламентская нация, лишенная парламента. Отчего она страдает, не осознавая причины. Каждую публичную площадку, предназначенную совсем не для этого, русские пользователи превращают в квазипарламент – это произошло с ЖЖ, с Facebook, с TikTok. Мы – литературоцентрическая, логоцентрическая культура, мы поклоняемся слову и человеку, который может его производить. Тот, кто умеет говорить и писать, обладает у нас неадекватными конкурентными преимуществами» [Шульман 2021].

Логинова 2016; Логинова 2017; Петровский 2010; Психология с человеческим лицом 1997; Психология субъекта 2010; Розин 1994; Слободчиков, Исаев 1995], выборочно коснемся наиболее репрезентативных для названной задачи.

Латентные антропологии в постсоветской психологии

Всякий выбор точки отсчета субъективен, однако, не придерживаясь хронологии, начать все-таки следует с поэтической антропологии В.П. Зинченко, который доказывал, с одной стороны, неизбежность преодоления психологией дисциплинарных границ и сближения ее с философией[8], а с другой, – настаивал на возвращении в психологию целостного человека. Поэтическая антропология стала для него решением этой проблемы. Согласно В.П. Зинченко, она возвращает в психологию жизнь, живое знание – целостного человека, живой язык, свободу, неопределенность, расширяет горизонты сознания исследователя. «Смысловым центром поэтической антропологии ...является весь человек» [Зинченко 1994, с. 7]. Отметим также, что важную роль в постсоветском периоде творчества В.П. Зинченко играл диалог с трудами Г.Г. Шпета [Зинченко 2000]. В.П. Зинченко подчеркивал, что для Г.Г. Шпета: «Я – это подлинная единственность, а не совокупность общественных отношений и не продукт коллектива» [Зинченко 1999, с. 111][9]. Небольшая работа Г.Г. Шпета «Один путь психологии и куда он ведет», появившаяся в 1912 г. в посвященном Л.М. Лопатину сборнике статей, открывала для психологии социогуманитарные и герменевтические перспективы [Шпет 1996].

Иной ракурс проблемы человека представлен в подходе Б.С. Братуся, согласно которому развитие человека есть раскрытие его человеческой сущности [Братусь 1990; Братусь 1997]. Автор делает важное замечание о том, что субъектом бытия является весь человек, тогда как личность – лишь его психологический инструмент. «Бытийствует не личность, а человек» [Братусь 1997, с. 6]. При этом человек может быть «психически здоров, но личностно болен» [Братусь 1997, с. 10]. Личность с позиций психолога – «особый психологический инструмент, орудие, принадлежащее, служащее человеку, как и другие психологические ...инструменты» [Братусь 1997, с. 6]. Заметим, что подобное по-

[8] Для психологии «интервенция в другие науки и прежде всего в культурную философскую антропологию неизбежна» [Зинченко 1994, с. 7].

[9] «Я – свободно, раз оно во всем остается самим собой» [Шпет 1994, с. 106]. «Я – необъяснимо. Оно подвергается только истолкованию, т.е. переводу на язык другого я...» [Шпет 1994, с. 28].

нимание личности довольно близко и к трактовке Г.Г. Шпета, для которого личность есть человек через описание его характера, поведения, социального статуса; образ человека со стороны общества [Щедрина 2011]. Личность – социальное в человеке; это существование человека в коммуникативной активности. Личность реализуется в творчестве культурных благ [Шпет 1996]. Также показательным является отмеченный Б.С. Братусем в контексте гуманитарной психологии «переход от понимания человека как средства к пониманию человека как самоценности» [Братусь 1990, с. 12], отсылающий к вышеупомянутым идеям И. Канта и В. Гумбольдта.

Важные методологические идеи построения психологии человека представлены в подходе А.А. Пузырея. Он выделяет два ориентира для психологии человека: во-первых, это европейская философия XX века, чей опыт фактически не освоен психологией; во-вторых, недирективные психотерапевтические практики, которые также не всегда успевали быть теоретически осмыслены [Пузырей 2005]. «Современная научная психология личности ... прошла мимо современной философии!» [Пузырей 2005, с. 465]. Между тем, поиск новых образов человека осуществляется культурными практиками, современной гуманистической психотерапией. «Путь к этой новой психологии открывает генеалогический (в смысле позднего Фуко) анализ психопрактик, внутри которых человек – в современном его понимании – и конституируется в качестве такового» [Пузырей 2005]. Вызовами новой психологии являются реальность жизненных проблем, ориентация на образ человека саморазвивающегося, путь самопознания и личностного роста для самого психолога [Пузырей 2005][10].

Следующий подход в психологии, обратившийся к проблеме человека, представлен экзистенциальной и дифференциальной антропологиями Д.А. Леонтьева [Леонтьев 2004; Леонтьев 2019]. Автор задается вопросом об отличиях человечности от гуманности [Леонтьев 2012], вводит понятия транссоциализации и индивидуальной ситуации развития, которые подчеркивают

[10] «Эти цели и ценности реализуются в поиске пути к конкретной психологии человека, которая:

– была бы состоятельной перед лицом реальных жизненных проблем современного человека;

– ориентировалась бы на человека, условием существования которого является работа над собой, ведущая к его личностному росту;

– была бы путем самопознания и личностного развития и для самого психолога;

– могла бы быть включена в поиск новых форм жизни и нового человека.» [Пузырей 2005, с. 466].

активность человека в его собственном становлении[11]. Человеческое в человеке рассматривается Д.А. Леонтьевым как интеграция разных свойств субъекта: органических, биологических, социальных и психологических. «Путь антропогенеза идет не от биологического к социальному, а от биологического через социальное к человеческому, которое оказывается в некотором смысле равноудалено от биологического и от социального» [Леонтьев 2012, с. 239]. Довольно продуктивной представляется его модель двух типов культуры – культуры усилия и культуры расслабления, опирающаяся на философские идеи М.К. Мамардашвили (концепция личного усилия), выявляющая в современности разные практики человеческого бытия [Леонтьев 2007]. Д.А. Леонтьев обсуждает антропологический кризис, связанный с тем, что XX в. «дискредитировал все ранее существовавшие образы человека», отмечая, что в «современном, экзистенциальном образе человека» нет предзаданности – это диалектический образ, где человек выбирает возможности быть «добрым или злым, высоким или низким» [Леонтьев 2014, с. 175].

Проблема человека органически вырастает и из психологии понимания В.В. Знакова [Знаков 2016]. Автор развивает идеи о сближении психологии со смежными науками, о многомерности мира человека, изменчивости контекстов его бытия и разнообразии субъективности. Особого внимания заслуживает мысль о необходимости изучать в психологии «человека, созидающего самого себя» [Знаков 2020, с. 51]. В.В. Знаков отмечает, что в современной науке «происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности» [Знаков 2020, с. 46]. В ситуации современности для психологии важны философские, социогуманитарные и естественнонаучные перспективы исследований человека.

Методологический смысл для психологии антропологического знания

Помимо философии в наши дни еще одним источником для психологии человека становится разнообразие антропологических подходов. Здесь важно отметить, что на рубеже XX–XXI вв. и сама антропология претерпела кардинальные изменения, перешла от изучения разных культур и традиционных

[11] «Активность личности является ключевым фактором в ее становлении и развитии, недооцениваемым традиционными концепциями» [Леонтьев 2012, с. 12].

обществ к таким проблемам, как современность, глобализация, гендер и идентичность, изучение городских сообществ (в том числе, столкновения ценностей внутри одного общества) [Eriksen 2006; Eriksen et al. 2015; Hannerz 2010], происходило и распространение антропологических методов для изучения феноменов лидерства, корпоративной культуры и т.п. [Крамер, Браун 2018; Логан и др. 2021].

Антропология сегодня представлена разнообразием исследований человека в диапазоне от биологических и археологических до философских и социогуманитарных. Современная антропология – это наука о разнообразии человеческого бытия, о человеке в глобальных и локальных контекстах, о человеке в мире и мире в человеке, об индивидуумах и сообществах, пребывающих в изменениях. Антропология – это наука о другом (похожем и отличающемся) человеке, а также о человеке, который эволюционировал в истории и меняется на наших глазах в повседневной жизни. Антропологическая оптика в психологии помогает сфокусировать взгляд на привычном как необычном, своем – как странном, чужом – как знакомом. Помимо этого, этнографические зарисовки охватывают целостную жизнь человека в динамике его повседневности. Это движение идей от антропологии к психологии способствует становлению психологии человека.

В свою очередь, Н.А. Логинова справедливо замечает, что «происходит антропологизация российской психологии», где «антропологический подход ...не всегда осознается как таковой, но он фактически существует и имеет длительную историю в философии и психологии» [Логинова 2016, с. 170]. В качестве представителей антропологической традиции она называет Н.Г. Чернышевского и П.Л. Лаврова, сторонников философской антропологии и экзистенциализма. Критерием же антропологического подхода здесь выступает опора на антропологический принцип, согласно которому психическое – атрибут целостного человека, а психология во взаимодействии с общественными и биологическими науками создает модель психобиосоциального человека [Логинова 2016]. Разработку антропологического подхода в психологии Н.А. Логинова связывает с петербургской научной школой и показывает, что в российской психологии инициатором антропологического (комплексного) подхода к изучению человека выступил В.М. Бехтерев, а в дальнейшем антропологическая традиция была продолжена в проекте человекознания Б.Г. Ананьева и философско-психологической антропологии С.Л. Рубинштейна [Логинова 2007, 2009, 2017].

Однако отличие латентных антропологических подходов, существующих в горизонтах психологии повседневности и психологии изменений, от выше обозначенной традиции заключается в том, что

в одном случае акцент делается на комплексном изучении человека, порождаемом синтезом психологии, физиологии и биологии, создающем целостные концепции развивающегося человека, тогда как в другом – внимание направлено на человека в ситуации изменений, в глобальных и локальных контекстах бытия, в разнообразии стилей и образов современной жизни. Психология развивает здесь ситуационные и контекстуальные подходы [Гришина 2008, 2011], обращается к анализу современного общества [Марцинковская 2015; Хорошилов 2017], сближается в поисках нового методологического инструментария с искусствознанием, этнографией и антропологией глобализации. Все это способствует и охвату целостности бытия человека, и исследовательской чувствительности к контекстуальности его трансформаций, и смене режимов видимости феноменов психики и культуры, а также саморефлексии и самокритике психологического знания.

Заключение

В заключение вновь обратимся к Г.Г. Шпету с тем, чтобы подчеркнуть, что его работа «Очерк развития русской философии», раскрывающая особенности российской интеллектуальной традиции, культуры и просветительской деятельности, отнюдь не устарела в том плане, что проливает аналитический свет на многие гуманитарные проблемы сегодняшнего дня. Это все те же проблемы.

Первая – приоритет инструментальной стороны модернизации и просвещения над гуманитарной, имевший следствием успехи индустриализации при неразвитости социальных институтов и личностного начала в культуре. В России и по сей день преимущество отдается технологическим, а не антропологическим аспектам уже цифровой модернизации, происходит информатизация, но не социализация субъекта современности, требующая поддержки критического мышления, инициативы и автономии личности.

Вторая проблема – архаичное (не модернизированное, консервативно-репрессивное) государство, подавляющее развитие человека и общества, что исторически проявляется в лоялизме, несвободе публичных дискуссий, преследовании инакомыслящих.

Третья проблема – это неопределенная и смешанная идентичность России, проживание цивилизационных эпох Ренессанса и Просвещения лишь в зачаточной форме.

Между тем для полноценного развития как человека, так и социогуманитарных наук важны не только достижения отдельных выдающихся ученых, но и определенный уровень культуры, на-

личие поддерживающей и профессиональной среды. «Чтобы правильно судить о *духе*, нужно брать не лицо (отдельные лица признавали свободу и в России), а среду, и что делает она с лицами: как меняется личное от среды. – А если лицо упорствует, то, *что* слушают у лица, что встречают молчанием, а что приходится лицу говорить, если оно хочет, чтобы его слушали», – проницательно отметил Г.Г. Шпет [Шпет 2009, с. 530].

В России многие проблемы обусловлены именно гуманитарным контекстом: скудным культурным наследием, отсутствием социальных институтов и стимулирующей радость творчества социокультурной среды. Так, если для Европы подобным наследием выступают античность, эпоха эллинизма, средневековая готика, эпохи Возрождения, Реформация, Просвещения и модерна, то для России этой культурной почвой является сама Европа.

В работе «Мудрость или разум» Г.Г. Шпет говорил о педагогическом значении европейской философии, отличительной чертой которой является *человечность*, в 1916 г. он писал: «мир должен быть очеловечен»[12]. Несмотря на тот факт, что культурную эпоху ренессансной гуманизации в России до сих пор нельзя считать завершенной, ибо ее плодом становится появление особого типа личности – автономной и имеющей мужество пользоваться собственным разумом, тем не менее в российской культуре продолжаются подспудные процессы становления индивидуальности личности, гуманизации общества и антропологизации психологии. Эти процессы лучше видны не столько современникам, сколько уже при ретроспективном анализе. В данном контексте появление сегодня такого направления исследований, как психология повседневности является выражением вышеназванных тенденций, общего антропологического тренда.

Литература

Абульханова, Березина 2002 – *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2002.

Ананьев 1969 – *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.

Асмолов 2007 – *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-исторические понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.

Бердяев 1994 – *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994.

[12] «...Отличительная черта европейской философии по сравнению с мудростью Востока... в ее... человечности... <...> мир должен быть очеловечен» [Шпет 1994, с. 327].

Братусь 1997 – *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.

Братусь 1990 – *Братусь Б.С.* Опыт обоснования гуманитарной психологии // Вопросы психологии. 1990. № 6. С. 9–17.

Брушлинский 1994 – *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994.

Гришина 2009 – *Гришина Н.В.* Человек как субъект жизни: ситуационный подход // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: ИПРАН, 2009. С. 161–172.

Гришина 2008 – *Гришина Н.В.* Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20.

Гришина 2011 – *Гришина Н.В.* Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 4. С. 109–116.

Гумбольдт 2003 – *Гумбольдт В.* О пределах государственной деятельности. М.: Социум, Три квадрата, 2003.

Гусельцева 2014 – *Гусельцева М.С.* Интеллектуальные исследовательские традиции как вопрос исторической психологии культуры [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 33. С. 5. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/931-guseltseva33.html (дата обращения 14 апр. 2021).

Гусельцева 2019 – *Гусельцева М.С.* Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. Монография. М.: Акрополь, 2019.

Замалеев 2014 – *Замалеев А.Ф.* Русский Ренессанс: зарождение и специфика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 1. С. 14–21.

Зинченко 1994 – *Зинченко В.П.* Возможна ли поэтическая антропология? М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1994.

Зинченко 1999 – *Зинченко В.П.* Г.Г. Шпет и М.М. Бахтин (оппоненты или единомышленники?) // Вопросы психологии. 1999. № 6. С. 110–118.

Зинченко 2000 – *Зинченко В.П.* Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УРАО, 2000.

Знаков 2020 – *Знаков В.В.* Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М.: Институт психологии РАН, 2020.

Знаков 2016 – *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Искусство как язык 2017 – Искусство как язык – языки искусства. Госу-

дарственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / Под ред. Н.С. Плотникова, Н.П. Подземской, при участии Ю.Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Кавелин 1989 – *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М.: Правда, 1989.

Кант 1966 – *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения в 6-ти томах. Т. 6 / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966. С. 25–36.

Крамер, Браун 2018 – *Крамер И., Браун Д.* Корпоративное племя. Чему антрополог может научить топ-менеджера. М.: Альпина Паблишер, 2018.

Леонтьев 2007 – *Леонтьев Д.А.* К антропологии развлечений // Город развлечений: наблюдения. анализы. сюжеты / Под ред. Е.В. Дукова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 62–68.

Леонтьев 2004 – *Леонтьев Д.А.* К дифференциальной антропологии // Наука и будущее: идеи, которые изменят мир: тез. докл. междунар. конф. Москва, 14-16 апреля 2004. С. 107–109.

Леонтьев 2019 – *Леонтьев Д.А.* К экзистенциальной антропологии // Седьмая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева, А.Х. Фам. М.: Смысл, 2019. С. 5–10.

Леонтьев 2014 – *Леонтьев Д.А.* Конец имманентности и перспектива возможного // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / Отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 174–185.

Леонтьев 2012 – *Леонтьев Д.А.* Человек за пределами биологического и социального // Человек в единстве социальных и биологических качеств / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Книжный двор «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 234–242.

Лихачев 2006 – *Лихачев Д.С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006.

Логан и др. 2021 – *Логан Д., Кинг Дж., Фишер-Райт Х.* Лидер и племя. Пять уровней корпоративной культуры. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.

Логинова 2016 – *Логинова Н.А.* Антропологический подход в российской психологии XX и XXI века // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. Сб. ст. Международной научно-практической конференции. М.: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2016. С. 169–173.

Логинова 2009 – *Логинова Н.А.* Антропологический принцип в концепции С.Л. Рубинштейна и Б.Г. Ананьева // Психология человека в современном мире. Т. 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Барабанщиков, М.И. Воловикова. М.: ИПРАН, 2009. С. 64–70.

Логинова 2007 – *Логинова Н.А.* Антропологическая психология Б.Г. Ананьева // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 127–137.

Логинова 2017 – *Логинова Н.А.* Проблема человека в современной российской психологии // Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 81–110.

Марцинковская 2015 – *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html (дата обращения 15 апр. 2021).

Мильдон 1997 – *Мильдон В.И.* ГАХН как явление русской культуры. Проблема художественной топологии // Вопросы искусствознания. 1997. № XI (2). С. 87–95.

Мильдон 2013 – *Мильдон В.И.* Серебряный век или русский Ренессанс? // Вестник культурологии. 2013. № 1 (64). С. 5–31.

Орлова 2010 – *Орлова Э.А.* История антропологических учений. М.: Академический проект, 2010.

Петровский 2010 – *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Мысль, 2010.

Психология с человеческим лицом 1997 – Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997.

Психология субъекта 2010 – Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.

Розин 1994 – *Розин В.М.* Психология и культурное развитие человека. М.: Рос. открытый ун-т, 1994.

Рубинштейн 2003 – *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003

Слободчиков, Исаев 1995 – *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология человека: Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995.

Тиханов 2008 – *Тиханов Г.* Многообразие поневоле, или Несхожие жизни Густава Шпета [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2008. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/mnogoobrazie-ponevole-ili-neshozhie-zhizni-gustava-shpeta.html (дата обращения 29 марта 2021).

Ушинский 2004 – *Ушинский К.Д.* Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии. М.: Фаир-Пресс, 2004.

Фуко 1994 – *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994.

Хорошилов 2017 – *Хорошилов Д.А.* Археология повседневности и со-

циальное познание [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 6. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1455-khoroshilov54.html#e3 (дата обращения 15 апр. 2021).

Шпет 1922 – *Шпет Г.Г.* Антропологизм Лаврова в свете истории философии. СПб: Колос, 1922. С. 73–138.

Шпет 2009 – *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. Т. 2. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2009.

Шпет 1996 – *Шпет Г.Г.* Психология социального бытия. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.

Шпет 1994 – *Шпет Г.Г.* Философские этюды. М.: Прогресс, 1994.

Шпет 2005 – *Шпет Г.Г.* Философско-психологические труды. М.: Наука, 2005.

Шпет в Сибири 1995 – Шпет в Сибири: Ссылка и гибель / Под ред. Н.В. Серебренникова. Томск: Водолей, 1995.

Шульман 2021 – *Шульман Е.М.* Семья и семейные связи будут переживать новый ренессанс [Электронный ресурс] // ELLE. 8 марта 2021. URL: https://www.elle.ru/celebrities/interview/ekaterina-shulman-semya-i-semeinye-svyazi-budet-perezhivat-novyi-renessans/ (дата обращения 16 апр. 2021).

Щедрина 2011 – *Щедрина Т.Г.* Понятие «личность» в текстах Густава Шпета: аспекты значений и контексты употребления // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко / Под науч. ред. Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 69–89.

Eriksen 2006 – *Eriksen T.H.* Engaging Anthropology: The Case for a Public Presence. Oxford: Berg, 2006.

Eriksen et al. 2015 – *Eriksen T.H., Garsten C., Randeria S.* (Eds.). Anthropology now and next. Essays in Honor of Ulf Hannerz. Brooklyn: Berghahn Books, 2015.

Hannerz 2010 – *Hannerz U.* Anthropology's World: Life in a Twenty-first-century Discipline. London: Pluto Press, 2010.

References

Abul'khanova, K.A. and Berezina, T.N. (2002), *Vremya lichnosti i vremya zhizni* [Personality time and life time], Aleteiya, St. Petersburg, Russia.

Anan'ev, B.G. (1969), *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as a subject of knowledge], Izd-vo Leningr. un-ta, St. Petersburg, Russia.

Asmolov, A.G. (2007), *Psikhologiya lichnosti. Kul'turno-istoricheskie ponimanie razvitiya cheloveka* [Psychology of Personality. Cultural and historical understanding of human development], Smysl, Moscow, Russia.

Berdyaev, N.A. (1994), *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva. V 2 t. T. 1.* [Philosophy of creativity, culture and art. In 2 volumes. Vol. 1], Iskusstvo, Moscow, Russia.

Bratus', B.S. (1990), "Experience of substantiation of humanitarian psychology", *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 9–17.

Bratus', B.S. (1997), "On the problem of man in psychology", *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 3–19.

Brushlinskii, A.V. (1994), *Problemy psikhologii sub'ekta* [Problems of the subject's psychology], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.

Eriksen, T.H. (2006), *Engaging Anthropology: The Case for a Public Presence*, Berg, Oxford, UK.

Eriksen, T.H., Garsten, C. and Randeria, S. (ed.) (2015), *Anthropology now and next. Essays in Honor of Ulf Hannerz*, Berghahn Books, Brooklyn, USA.

Fuko, M. (1994), *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities], A-cad, St. Petersburg, Russia.

Grishina, N.V. (2011) "Existential problems of a person as a life challenge", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika,* no. 4, pp. 109–116.

Grishina, N.V. (2009), "Man as a subject of life: a situational approach", in Zhuravlev, A.L., Znakov, V.V., Ryabinkina, Z.I. and Sergienko, E.A. (ed.), *Sub'ektnyi podkhod v psikhologii* [Subjective approach in psychology], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia, pp. 161–172.

Grishina, N.V. (2008), "The problem of conceptualizing the context in modern psychology", *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, vol. 9, no. 3, pp. 10–20.

Gumbol'dt, V. (2003), *O predelakh gosudarstvennoi deyatel'nosti. Sotsium* [On the limits of state activity], Tri kvadrata, Moscow, Russia.

Gusel'tseva, M.S. (2014), "Intellectual research tradition as a matter of historical psychology of culture", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 7, no. 33, pp. 5, available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/931-guseltseva33.html (Accessed 29 Mar 2021).

Gusel'tseva, M.S. (2019), *Psikhologiya povsednevnosti v svete metodologii latentnykh izmenenii. Monografiya* [Psychology of everyday life in the light of the methodology of latent changes], Akropol', Moscow, Russia.

Hannerz, U. (2010), *Anthropology's World: Life in a Twenty-first-century Discipline,* Pluto Press, London, UK.

Kant, I. (1966), "The answer to the question: What is Enlightenment?", in Asmus, V.F., Guly'ga, A.V. and Oizerman, T.I. (ed.), *Sochineniya v 6 tomah. Tom 6* [Works in 6 volumes. Vol. 6], Mysl', Moscow, Russia, pp. 25–36.

Kavelin, K.D. (1989), *Nash umstvennyi stroi* [Our mental structure], Pravda, Moscow, Russia.

Khoroshilov, D.A. (2017), "Archaeology of everyday life and social cognition", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 10, no. 54, pp. 6, available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1455-khoroshilov54.html#e3 (Accessed 15 April 2021).

Kramer, I. and Braun, D. (2018), *Korporativnoe plemya. Chemu antropolog mozhet nauchit' top-menedzhera* [The Corporate Tribe: Organizational lessons from anthropology], Al'pina Pablisher, Moscow, Russia.

Leont'ev, D.A. (2012), "Man beyond the biological and social", in Guseinov, A.A. (ed.), *Chelovek v edinstve sotsial'nykh i biologicheskikh kachestv* [A person in the unity of social and biological qualities], Librokom, Moscow, Russia, pp. 234–242.

Leont'ev, D.A. and Shchur, V.G. (ed.) (1997), *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoi psikhologii* [Psychology with a Human Face: a Humanistic Perspective in Post-Soviet Psychology], Smysl, Moscow, Russia.

Leont'ev, D.A. (2014), "The end of immanence and the prospect of the possible", in Belkin, G.L. (ed.), *Mesto i rol' gumanizma v budushchei tsivilizatsii* [The place and role of humanism in the future civilization], Lenand, Moscow, Russia, pp. 174–185.

Leont'ev, D.A. (2007), "To the anthropology of entertainment", in Dukov, E.V. (ed.), *Gorod razvlechenii: nablyudeniya, analizy, syuzhety* [Entertainment city: observations, analyzes, plots], Dmitrii Bulanin, St. Petersburg, Russia, pp. 62–68.

Leont'ev, D.A. (2004), "Towards differential anthropology", *Nauka i budushchee: idei, kotorye izmenyat mir: tez. dokl. mezhdunar. konf*. [Science and the future: ideas that will change the world: theses of the report of the international conference], Moscow, Russia, 14-16 April 2004, pp. 107–109.

Leont'ev, D.A. (2019), "Towards existential anthropology", in Leont'ev, D.A. and Fam, A.Kh. (ed.), *Sed'maya Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po ekzistentsial'noi psikhologii: Materialy soobshchenii* [Seventh All-Russian Scientific and Practical Conference on Existential Psychology: Materials of communications], Smysl, Moscow, Russia, pp. 5–10.

Likhachev, D.S. (2006), *Izbrannye trudy po russkoi i mirovoi kul'ture* [Selected Works on Russian and World Culture], SPbGUP, St. Petersburg, Russia.

Logan, D., King, D. and Fisher-Rait, Kh. (2021), *Lider i plemya. Pyat' urovnei korporativnoi kul'tury.* [Tribal Leadership. Leveraging Natural Groups to Build a Thriving], Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.

Loginova, N.A. (2007), "Anthropological psychology by B.G. Ananyev", *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 127–137.

Loginova, N.A. (2009), "The anthropological principle in the concept of S.L. Rubinstein and B.G. Ananyev", in Zhuravlev, A.L. and

Barabanshchikov, V.A. (ed.), *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire. Tom 1* [Human psychology in the modern world. Vol. 1], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia, pp. 64–70.

Loginova, N.A. (2017), "The problem of man in modern Russian psychology", *Chelovek i mir*, vol. 1, no. 1, pp. 81–110.

Loginova, N.A. (2016), "Whole person as a problem in Russian psychology", *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya,* no. 2 (26), pp. 61–70.

Martsinkovskaya, T.D. (2015), "Modern psychology – challenges of transitivity", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 8, no. 42, p. 1, available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html (Accessed 15 April 2021).

Mil'don, V.I. (1997), "GAKhN as a Phenomenon of Russian Culture. The problem of artistic topology", *Voprosy iskusstvoznaniya,* no. XI (2), pp. 87–95.

Mil'don, V.I. (2013), "Silver Age or Russian Renaissance?", *Vestnik kul'turologii,* no. 1 (64), pp. 5–31.

Orlova, E.A. (2010), *Istoriya antropologicheskikh uchenii* [History of anthropological teachings], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.

Petrovskii, V.A. (2010), *Chelovek nad situatsiei* [Man over the situation], Mysl', Moscow, Russia.

Plotnikov, N.S., Podzemskaya, N.P. and Yakimenko, J.N. (ed.), *Iskusstvo kak yazyk 2017 – Iskusstvo kak yazyk – yazyki iskusstva. Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920-kh godov* [Art as language – languages of art. State Academy of Arts and Aesthetic Theory of the 1920s], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Rozin, V.M. (1994), *Psikhologiya i kul'turnoe razvitie cheloveka* [Psychology and cultural development of a person], Ros. otkrytyi un-t, Moscow, Russia.

Rubinshtein, S.L. (2003), *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and the world], Piter, St. Petersburg, Russia.

Slobodchikov, V.I. and Isaev, E.I. (1995), *Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti* [Human Psychology: An Introduction to the Psychology of Subjectivity], Shkola-Press, Moscow, Russia.

Serebrennikov, N.V. (ed.) (1995), *Shpet v Sibiri: Ssylka i gibel'* [Shpet in Siberia: Link and death], Vodolei, Tomsk, Russia.

Shchedrina, T.G. (2011), "The concept of "personality" in the texts of Gustav Shpet: aspects of meanings and contexts of use", in Shchedrina, T.G. (ed.), *Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya* [Thinking style: the problem of the historical unity of scientific knowledge], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 69–89.

Shpet, G.G. (1922), *Antropologizm Lavrova v svete istorii filosofii* [Lavrov's anthropologism in the light of the history of philosophy], Kolos, Peterburg, pp. 73–138.

Shpet, G.G. (2009), *Ocherk razvitiya russkoi filosofii. Tom 2. Materialy. Rekonstruktsiya T.G. Shchedrinoi* [Essay on the development of Russian philosophy. Vol. 2. Materials. Reconstruction by T.G. Shchedrina], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Shpet, G.G. (1996), *Psikhologiya sotsial'nogo bytiya* [Psychology of social life], In-t prakticheskoi psikhologii, Moscow, Russia.

Shpet, G.G. (1994), *Filosofskie etyudy* [Philosophical studies], Progress, Moscow, Russia.

Shpet G.G. (2005), *Filosofsko-psikhologicheskie trudy* [Philosophical and psychological works], Nauka, Moscow, Russia.

Shul'man, E.M. (2021), "Family and family ties will experience a new renaissance" [Electronic], ELLE, 8.03.2021, available at: https://www.elle.ru/celebrities/interview/ekaterina-shulman-semya-i-semeinye-svyazi-budet-perezhivat-novyi-renessans/ (Accessed 16 April 2021).

Tikhanov, G. (2008), "Reluctant diversity, or the dissimilar lives of Gustav Shpet", *Novoe literaturnoe obozrenie* [Electronic], no. 3, available at: https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/mnogoobrazie-ponevole-ili-neshozhie-zhizni-gustava-shpeta.html (Accessed 15 April 2021).

Ushinskii, K.D. (2004), *Chelovek kak predmet vospitaniya: opyt pedagogicheskoi antropologii* [Man as a subject of education: the experience of pedagogical anthropology], Fair-Press, Moscow, Russia.

Zamaleev, A.F. (2014), "Russian Renaissance: origin and specificity", *Vestnik SPbGU. Ser. 6. Filosofiya. Kul`turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodny`e otnosheniya*, no. 1, pp. 14–21.

Zinchenko, V.P. (1999), "G.G. Shpet and M.M. Bakhtin (opponents or like-minded people?)", *Voprosy psikhologii,* no. 6, pp. 110–118.

Zinchenko, V.P. (2000), *Mysl' i Slovo Gustava Shpeta (vozvrashchenie iz izgnaniya)* [Thought and Word of Gustav Shpet (return from exile)], Izd-vo URAO, Moscow, Russia.

Zinchenko, V.P. (1994), *Vozmozhna li poeticheskaya antropologiya?* [Is Poetic Anthropology Possible?], Izd-vo Rossiiskogo otkrytogo un-ta, Moscow, Russia.

Znakov, V.V. (2016), *Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka* [Psychology of understanding the human world], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.

Znakov, V.V. (2020), *Psikhologiya vozmozhnogo: Novoe napravlenie issledovanii ponimaniya* [The Psychology of the Possible: A New Direction of Research on Understanding], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.

Znakov, V.V. and Sergienko, E.A. (2010), *Psikhologiya sub'ekta i psikhologiya*

chelovecheskogo bytiya [Psychology of the subject and the psychology of human existence], Kubanskii gos. un-t, Krasnodar, Russia.

Информация об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; *mguseltseva@mail.ru*

Information about the author

Marina S. Guseltseva, Sc.D. (Psychology), assistant professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education, Russia, Moscow; bld. 9-4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; *mguseltseva@mail.ru*